

Эдвард Радзинский:

“Сталин - не монстр и не гангстер. Он сложнее. Он страшнее”

Моск. правда - 1996. - 11 дек. - с. 6

Радзинский Эдвард Станиславович родился в Москве в 1936 году. В 1959 году окончил Московский историко-архивный институт, но вначале увлекся не историей, а драматургией. 30-летний Радзинский становится известным, популярным, чрезвычайно плодовитым и удачливым драматургом. В одном из сезонов только в Москве его пьесы идут в 8 театрах. Автор: “104 страницы про любовь”, “Снимается кино...”, “Продолжение Дон Жуана”, “Беседа с Сократом”, “Луни, или Смерть Жака, записанная в присутствии хозяина”, “Она в отсутствие любви и смерти”, “Приятная женщина с цветком и окнами на север...” и др.

Вспомнив о своем студенческом прошлом, Радзинский сегодня более историк, чем драматург. Автор книги “Господи... спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть”, переведенной на два десятка языков. В последнее время прославился своими историческими телепередачами. Ведущий популярных исторических телепередач о выдающихся людях России - от Ивана Грозного до Чаадаева. Последняя работа - 4-серийная передача о Сталине. В конце года книга о Сталине, которую уже перевели и издали за рубежом, выходит в издательстве “Вагнус”.

В Дубултах, где когда-то был Дом творчества, вполне доступный для “рускоязычных” писателей, мы гуляли с Эдвардом по бесконечным пляжам у самой воды, где песок влажный и плотный. И Радзинский всегда меня о чем-то расспрашивал. Особенно, помню, его интересовал С. П. Королев. Если быть откровенным, писатели - люди не очень любознательные, предпочитающие говорить, а не слушать. Но Эдвард был редким исключением. То же продолжалось во время нашей встречи на Пилунде, вообще всегда. Только теперь, включив телевизор, я слушаю Радзинского, а не он меня...

- Так что, театр ты совсем оставил?

- Театр вроде бы дело, касающееся ограниченного круга, узкое, но с большим общественным звучанием. Ты же помнишь, как было в “застойные годы”: если критики ругали книгу, все начинали ее читать, на разгромленные в прессе спектакли публика валом валла. Ведь дело до смешного доходило. В 1966 году, когда была премьера моей пьесы “Снимается кино”, перед театром была огромная толпа, через которую я продирался к служебному входу.

- Ты куда? - заорал дружинник.

- Я автор! - пискнул я и тут же получил по шее. Я его не осуждаю, я был молоденький, маленький, признать во мне автора было трудно...

Вот ты говоришь, что я “удачливый драматург”, а у меня почти со всеми моими пьесами возникали проблемы, хотя редакторы в Министерстве культуры были люди порядочные и всегда помогали авторам. Мне во всяком случае помогали. Запрещение пьесы было своеобразной рекламой театру. Ведь еще существовала практика, когда постановку разрешали какому-нибудь одному театру. А какая прелесть были рецензии твоих братьев-журналистов, театроведов! У меня хранятся рецензии на две мои пьесы: “Беседа с Сократом” и “Приятная женщина с цветком и окнами на север”, в которых фамилия автора вообще не упоминается! Может быть, таким образом меня старались уберечь от побоев? Но очень смешно было читать: “Сократ написал...” Это не Сократ написал, это я за Сократа написал...

Премьера “Сократа” состоялась в 1975 году - это был разгул антисахаровской кампании, и мои недоброжелатели пустили слухов, что Сократ Радзинского никакой не Сократ, а замаскированный Сахаров. Я пригласил на премьеру Андрея Дмитриевича, и он пришел. На премьеру было много начальников разного ранга и партийных чиновников. Я ожидал в зале шока, змеино го шипения, но, заведя Сахарова, все вокруг заулыбалось и отовсюду только и слышалось: “Здравствуй, Андрей Дмитриевич...”, - короче, самый любезный прием. И вот тогда у меня мелькнула мысль: “Этот строй уже никто не поддерживает, и ни-

кто его не боится”. Я понял, что это не Древний Египет, существовавший неизменно тысячелетия. Я понял, что я увижу конец советской империи. И именно тогда я начал работу над “Николаем II” и над “Сталиным”.

Я заметил, что тоталитарный режим и всякое угнетение демократии всегда шли театру на пользу. На фоне цензурного всевластия театр действительно превращался во властителя дум. Не говоря уже о том, что цена билета в театр была такая, что сегодня ее просто не с чем сравнить. Все это избаловало театры, все меньше задумывались они о своем нравственном предназначении и приходили в упадок.

Я это почувствовал. Первые годы перестройки не привели и не могли привести к возрождению подлинного театра. Он перестал быть политической ареной, но еще не превратился в храм искусства. Вот когда я обо всем этом раздумывал, мне все меньше хотелось писать пьесы.

- Очевидно, и смерть Анатолия Эфроса, твоего любимого режиссера, тоже одна из причин?

- Конечно. Эфрос - великий режиссер, и я благодарен ему, что он поставил пять моих пьес. Но должен признать, что мы не были близкими друзьями. Мы были очень разные люди, но у нас были одинаковые нервные окончания. Нас сближала работа над пьесой, а потом мы могли не видеться много месяцев. Когда я приносил Эфросу новую пьесу, он начинал рычать на меня, упрекать в несовершенстве текста и других грехах. В эти минуты у меня не было ни малейшего сомнения в том, что пьеса им отвергнута. Но оказывалось, что он буквально на следующий день начинал над ней работу.

Кстати, пожалуй, главной чертой, нас сближающей, было постоянство работы. Я кончал одну пьесу и тут же садился за другую. Эфрос выпускал спектакль и сразу назначал новые репетиции. Однажды один режиссер, зная, что у Эфроса только что была премьера, спросил его:

- Толя, чем вы сейчас заняты?

- Я репетирую, - ответил Эфрос.

- Но вы же только что выпустили спектакль!

- А чем же еще заниматься? - удивился Эфрос даже с каким-то испугом...

Я тоже считаю, что жизнь - это работа.

- И все-таки, Эдвард, вот мне лично будет чертовски не хватать твоих премьер...

- А премьеры будут! Совсем недавно я закончил восьмой и, надеюсь, окончательный

вариант пьесы о гибели царской семьи и о том, что случилось через двадцать лет. Премьера состоится в Манеже. Зрители будут сидеть как бы внутри декорации. Ставит спектакль известный режиссер Валерий Фокин, а заняты в нем всего четыре актера: Ульянов, Купченко, Збруев и Женя Миронов. Так что приходи на премьеру, она состоится в этом году.

- Люди знали твои пьесы, но тебя самого - не знали. Во всяком случае на улицах не оборачивались. Теперь, после серии твоих исторических телепередач, ты стал телезвездой, хотя до провинциального клоуна Пельша тебе еще, конечно, далеко... Как ты попал на ТВ?

- Готовился вечер из отрывков разных спектаклей, которые я должен был объединить своим комментарием. Комментарий получился довольно пространственным, и на ТВ кому-то пришлось в голову сделать из него самостоятельную передачу. С этого все и началось...

- Я немного знаю технику “говорящих голов”, вижу, как даже такие телеасы, как Евгений Киселев, сбиваются, если идет сбой на мониторе. Но я не вижу, чтобы ты читал с монитора!

- Господь с тобой! Никогда не читал, никогда никакого текста не заучивал! Никогда не репетировал и к передаче не готовился! Я считаю, что сила ТВ как раз в том, что ты можешь передать зрителям свое сиюминутное состояние. Я больше скажу: некоторые вещи я сам начинаю понимать, только когда запись передачи уже идет. И еще: я должен видеть некую картинку внутри себя. Я ее пересказываю, а потом комментирую. И там внутри еще часики тикают, время отмеряют. В жизни я подчас смутно представляю себе, сколько прошло: полтора или два часа. А на телевидении никогда не ошибаюсь более чем на пять минут...

- Четыре рассказа о Сталине многие, как я знаю, считают твоими лучшими работами...

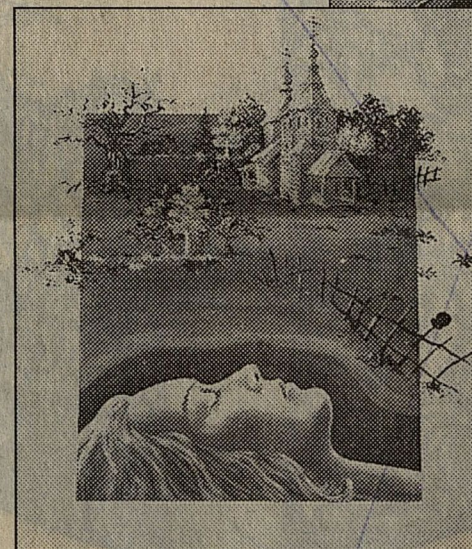
- Не думаю. Мне кажется, что передачи о лже-Дмитрии или о Чаадаеве были не хуже. Просто Сталин ближе к нам, он для нас больнее. В моей семье не было репрессированных, но страх тех лет и во мне есть. И все-таки мне хотелось не быть судьей Сталина, а, оторвавшись от каких-либо симпатий и антипатий, понять его, проникнуть в логику его мышления. Это очень трудно. Многое я до сих пор не понимаю.

- Традиционный вопрос нашей рубрики: Москва в твоей жизни?

- Я москвич. Москва - это не город, это отдельная страна, и в этой стране я чувствую себя своим. Я всегда хотел ездить по миру и езжу, но тоскую: “А как там в Москве?...” Я здесь живу, здесь мой дом, все другие точки планеты - объекты путешествий.

Беседовал Ярослав ГОЛОВАНОВ.

“Когда у человека есть талант, его распирает в разные стороны, как квашню”, - считает график, живописец, скульптор Рубен Варшамов. Он родился 23 февраля на Чистых прудах. Эта дата, возможно, определила судьбу: сначала Суворовское училище, затем московское пехотное, служба в Таманской дивизии, и наконец... диплом художника-графика. Сегодня ему сорок, а занимается “пустячным” делом - выпускает “Веселые картинки”. Да, тот самый старый и любимый журнал. Любимый и малышами, и взрослыми. Более того, в

этом году родился новый выпуск журнала “Веселые картинки для взрослых”. Для себя художник рисует офорты: Эдгар По, Шекспир, Булгаков, Вийон, Сервантес, Заболоцкий и много других великих. Рубен выбирает сюрреалистических авторов, которые ему близки. Мечтает “замахнуться” на “Войну и мир”. В живописных работах мастера много моря. Увидев картину Рубена на выставке, известный экстрасенс, не видя художника, рассказал всю его подноготную и добавил, что аура холста благоприятна для зачатия и счастливых родов. Вот так-то! На самом видном месте в мастерской стоит огромная фигура Дон Кихота. Вечный рыцарь-скиталец, отважный защитник добра нашел успокоение в стенах этого дома. После очередной экспозиции скульптура Эдгара По с котелком в руке была оставлена в подъезде. Сердобольные соседи своеобразно отреагировали на сие событие, набив шляпу разноцветными купюрами. Забавный полосатый автопортрет мастера завершает галерею статуй. В свободное от свободного творчества время Рубен занимается яхтспортом. И даже выиграл чемпионат Москвы, посвященный 300-летию Российского флота. Избороздив Тихий, Атлантический, Ледовитый и Индийский океаны, он не устал любоваться и рисовать.

Юлия РУСАКОВА.

Фото

Ильи ПИТАЛЕВА.

13, 14, 15 декабря

Гарик Сукачев

в программе «Песни с окраины»

Государственный центральный концертный зал “Россия”

Начало концерта в 20.00.

Билеты в кассах ГЦНЗ “России” и городских кассах.

Занав V.I.P. билетов по телефону: 263-46-77.

Информационная поддержка: “Деловая волна”,

“Авторadio”, “Эхо Москвы”,

“Открытое радио”, “Радио АРТ”.

Организатор: компания “Сайленс Про”.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ “РОССИЯ”

САЙЛЕНС ПРО ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ
Андрей МАКАРЕВИЧ

В АКУСТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ
20 ЛЕТ СПУСТЯ
20, 21, 22 декабря
начало в 19.00

ПРИ ТЕХНИЧЕСКОМ СОДЕЙСТВИИ КОМПАНИИ

Московская Сотовая

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

ЭХО МОСКВЫ
ОТКРЫТОЕ РАДИО
МИЛИЦЕЙСКАЯ ВОЛНА

Билеты продаются в городских театральных кассах и кассах зала. Заказ билетов по телефону: 263-4677

Хорошо,
что Хрущев